

Тем временем Шпатель, Шнурок и Карим подъехали на своём гигантском механическом пауке системы "Арахна-214" к лагерю под названием "Лесной Кимрон".

Как говорит название, сам он затерялся в усть-загорьевских лесах. Представлял он чудо, похожее на место съёмок одной презренной телепередачи с ТНТ: два крепко сколоченных больших деревянных дома - можно даже сказать, боярские хоромы; два туалета типа "сортир", большой, задорно горевший костёр, уставленный скамьями вокруг и будка, совмещавшая в себе сторожку и подстанцию, в которой стоял генератор. Единственным отличием было обилие телеэкранов и проекторов, и отовсюду своим сверлящим взглядом, пронзающим душу, с них смотрел аккуратный мужчина средних лет в рубашке с галстуком, говорящий сладкие речи. Это был пастор Мистер Наживка, которому поклонялись местные жители - мультяшки расы дорби, которых, на первый - но только первый взгляд, можно посчитать самыми культурными и интеллигентными анимационными кадаврами.

Курево, насвай и пьянство у них были под строжайшим запретом - разве что иногда, на день рождения своего пастора, они пропускали каплю-другую сладкого вина, не мусорили где попало, держали свои жилища в чистоте; обжорство тоже не входило в их основные черты; крайне редко позволяли себе ложь; были верны своим принципам и буянили лишь тогда, когда это было угодно их владыке; совершенно не понимали, что такое русская и не только матерщина, в то время как все остальные ругались напропалую; и даже не позволяли себе распалаться похотью, в отличие от Шпатель с её двумя "мужьями" или Лаэрти, которая слишком сильно любила смотреть телевизор. Размножались они непорочно, то есть - делением: когда пастор Наживка начинал говорить о том, как должна выглядеть благочестивая семейная жизнь, иногда какой-нибудь дорбис начал ощущать зуд по всему телу, и очень скоро из дорби Йогуля вылезал дорби Отто. Впрочем, этот процесс выглядел настолько омерзительно со стороны, что даже Юрий Нестеренко поймёт, что людям дали далеко не самый стрёмный метод воспроизводства себе подобных: сначала круглый дорбис испытывал сильный зуд, потом его то скручивало, то тянуло во все стороны, то выворачивало наизнанку, а его глаза порой оказывались заткнуты ягодицами, давая возможность заглянуть в пустующее нутро, а потом из него рос говорящий сиамский близнец, который пел хвалебные песни мистеру Наживке таким тараторящим и писклявым голосом, что его хотелось прибить сковородкой, дабы этот во всех смыслах спиногрыз заткнулся. И только напевшись вдоволь - а это занимало у него дня четыре - он окончательно отделялся от своего "папаши" или "мамаши", наконец оставляя своего родителя в покое - залечивать свою необратимо поражённую психику. Стоит заметить, что чаще всего дорбис начинал испытывать зуд после того, как мистер Наживка говорил: "Не ковыряй в левой ноздре средним пальцем правой руки после полуночи, и будет тебе здравие на земле...".

Но фанатичное отношение к пастору Наживке превышало все допустимые и недопустимые нормы. Если бы он сказал дорбису прыгать с крыши, то он не только сам туда сиганёт, но постарается оттуда сбросить ещё и ближнего своего. Когда какой-нибудь дорбис, например, смел поковырять в левой ноздре средним пальцем правой руки после полуночи, на него тут же соседи-сикофанты начинали строчить доносы, как в тридцать седьмом году, словно соревнуясь в скорости. И ему везло, когда ему просто разбивали рожу; человека или мультяшку, посмеявшегося попросить сделать громкость висевших везде мириад телеэкранов с неизменным плюс-плюс речекряком пастором Наживкой, заменившем в их сознании Большого Брата, потише, скручивали и забивали камнями. Они любили обращать других мультяшек в свою веру - и пусть большинство из тех, к кому попадало их литературное творчество, использовало его вместо туалетной бумаги, но кто-то на этот трюк вёлся, и его заставляли петь Наживке

псалмы, пока он не сойдёт с ума от этого религиозного экстаза. Так что очень немногие недорби, не привыкшие к такого рода воздействиям, могли там выжить дольше одной недели.

Об их слепой верности своему кумиру говорит следующий факт: однажды какой-то шутник, стройный обладатель зелёной беспорядочной шевелюры мультяшка-арбаккель Йозеф, забавы ради пустил по сети запись с криво подменённым звукорядом, где пастор Наживка вместо своей проповеди велел устроить большой траходром... Думаю, эта история не заслуживает продолжения. Карим откинул люк, увидел, что там никого нет, вылез и сказал:

-Хвала Наживке во имя веков! Осанна!

Мигом высыпали дорби, встречая нового "адепта", готовясь его завалить своими медвежьими объятьями, крича "Слава!", "Слава!", "Слава!". Карим чувствовал себя королём мира, но Шнурок его предупредил:

-Смотри, не заиграйся!

А потом сказал Шпатель:

-А ты всё это дело охраняй.

И сам выпрыгнул из "Арахны-214", незаметно прошмыгнув в один из двух дом. Телевизоров, мониторов и всевозможнейших экранов, которых, как говорилось ранее, было невообразимое множество, и на каждом из них была та самая злополучная морда. Необходимо было найти нужный - чёрную жидкокристаллическую панель фирмы "Самсунг", за которой Лаэрта коротала вечера. Не найдя нужного в одной комнате, Шнурок незаметно пересекал порог и попадал в другую каморку, тщательно выискивая необходимый сезаму по кличке Лаэрта агрегат. Но ему попадались "LG" и более древние "голдстары", "Сони", грюндики, панасоники, супры, филипсы, советские чёрно-белые "Юности" и даже жуткую модель времён неадертальцев, линзу которой необходимо было заполнять водой, но лишь заветного "самсунга" не находилось. Были пузатые телики, были телики с изогнутым экраном во всю стену, были экраны со встроенным туда видеоманитофоном, в которые когда-то запихивались кассеты, было всё, что только можно, но не то, что было нужно Шнурку. К счастью, дорби вокруг не находилось - все они были заняты окучиванием Карима возле лобного места, строившего из себя нового адепта на публику, которому обещали местечко в Новом Иерусалиме с видом на море, возможность войти в сто сорок четыре тысячи избранных, звание пандитора V степени ещё при жизни и так далее, чтобы потом его заморить земными поклонами какому-то непонятному парню. Карим, конечно, слышал сладостные речи, слушал и даже осознавал, но продолжал их сознательно игнорировать, хоть и соглашался для вида.

-Выйди же из этой машины, если хочешь очиститься от греха по-настоящему! - кто-то из дорбисов зароптал, осознав, что как-то Карим не слишком торопится принимать их веру.

-Да постой же ты, не видишь, нельзя насаждать веру силой! - кто-то произнёс из толпы в ответ.

В этот момент Шнурку повезло. Пока Шпатель что-то монтировала на своём розовом нетбуке, а Карим общался с толпой религиозных фанатиков, Шнурок наконец-то отыскал тот самый телевизор по запаху: запах Лаэрти ни с чем нельзя было спутать, после чего он пошёл с телевизором в коробке под мышкой обратно к своим.

-Ребята, я уверовал! Воистину в сердце моём я следую путём Наживки. - сказал Шнурок, когда попал в толпу, окружившую "Арахну". Толпа, впрочем, не обратила внимание, продолжая уже откровенно пререкаться с Каримом.

-Дайте мне ещё подумать. - спокойно сказал Карим.

-Какое подождать? Это всё мирские дела, далёкие от спасения твоего!

-Ты просто хочешь грешить!

-Открывай багажный отсек. - сказал тем временем Шнурок Шпатель. Она открыла его, и туда полетела коробка с телевизором.

-Лезь сюда! Живо! - сказал Шнурку Карим, видя, что толпа, которая бросала ему цветы на шею, прямо сейчас готова накинуть петлю.

Шнурок, повинуясь, сиганул в кабину.

-Заводим машину. - сказала Шпатель.

-БОГОХУЛЬНИК!!! В КОСТЁР ЕГО! В КОСТЁР! В ОГОНЬ ЕГО НЕУГАСИМЫЙ!!! - завопили дорби, видя, что их адепт ушёл, так и не задержавшись в их секте мистера Наживки, которая показала истинный оскал.

-Кажется, тут не обойдётся без демонстрации силы. - сказал Шнурок и занёс одно из гигантских лезвий машины прямо над толпой, пока неторопливый паук под управлением Шпатель разворачивался.

-ЧТО?!?!?! ГОНИТЕЛЬ ВЕРЫ НАШЕЙ! ЕРЕТИК! ОН ХОЧЕТ НАС УБИТЬ!!!

Но никто уже не слушал толпу с факелами. "Арахна-214" стремительно покидала злополучный "Лесной Кимрон", чьи члены нагло стащили у них телевизор. Месть была сладка. А дорби, высказав все свои проклятья, расплзлись по своим кельям, утыканным телевизорами, один из которых не находился на своём месте... Воистину, грабь награбленное... Так прошла очередная ночь. Впрочем, скоро дорби ожидал ещё один неприятный сюрприз.

<http://tl.rulate.ru/book/66622/1771151>